

Ласковое слово, которое Ли Тан выбрал сам, теперь вертелось у него на языке, но он не мог заставить себя произнести его, чувствуя неловкость.

После второго раза он отказался говорить. Цзян Лу настойчиво целовал его в шею, задерживаясь на ключицах, а Ли Тан прикусил губу, изредка издавая тихие хриплые звуки.

Когда его сосед по комнате Сунь Юйсян вернулся, они уже переместились с кровати к столу, каждый из них был погружен в свой телефон и, по-видимому, был сосредоточен на интернет-серфинге.

Увидев Ли Тана, Сунь Юйсян тепло его поприветствовал.

— Пришел в гости, да? У меня тут много закусок, не стесняйся, бери.

Ли Тан кивнул в знак согласия, но затем уткнулся в экран, притворяясь занятым, поскольку на самом деле он боялся, что одноклассник заметит его потрескавшиеся губы и следы на шее.

Сунь Юйсян, все еще находившийся в эйфории после свидания, почувствовал, что в комнате слишком тихо, и решил включить музыку через Bluetooth-колонку, которую принес с собой.

Прислушиваясь некоторое время, лицо Ли Тана начало краснеть.

Он догадался, что Сунь Юйсян сохранил эту песню из плейлиста под названием что-то вроде «100 английских песен, которые вы должны послушать в этом году», совершенно не понимая смысла слов. Поэтому он без стеснения играл ее перед одноклассниками, двигаясь в такт, приводя в порядок свои вещи и непринужденно пританцовывая.

Внезапно его телефон завибрировал, сигнализируя о новом сообщении WeChat.

Цзян Лу:

[Ты понял?]

Ли Тан:

[Почти...]

Цзян Лу быстро ответил:

[Я не понял. Пожалуйста, учитель, переведи мне]

Ли Тан поднял взгляд на человека, сидевшего напротив. Цзян Лу выглядел совершенно нормальным, словно искренне искал руководства.

Он неохотно спросил:

[Какая часть?]

Цзян Лу:

[От «no sin» и далее]

Ли Тан поджал губы и начал печатать:

[«No sin» значит «без греха»]

Цзян Лу:

[А что потом?]

Ли Тан глубоко вздохнул.

[Назови это медитацией, когда наши тела сливаются,

Почувствуй затишье перед бурей, когда мой язык касается твоей кожи,

В перерывах между твоим дыханием я могу услышать, как падает булавка]

Перевод, возможно, мог бы быть менее эротичным, если воспринимать его буквально, но, учитывая то, что только что произошло на тесной односпальной кровати, Ли Тану было трудно сохранять спокойствие и профессионализм.

Он начал подозревать, что Цзян Лу намеренно провоцирует его, но не смог устоять перед тем, как Цзян Лу назвал его учителем. Он едва успел перевести вторую строчку, когда внезапно услышал тихий смех Цзян Лу.

Сразу после этого появилось новое сообщение:

[У тебя уши покраснели]

Ли Тан невольно потрогал свои уши, обнаружив, что они действительно горячие.

К счастью, Сунь Юйсян погрузился в свой мир блаженства и не подозревал о необычном поведении Ли Тана.

Однако этот тайный способ общения, особенно касающийся столь сложной темы, оказался для Ли Тана слишком сложным. Он поспешно встал, чтобы попрощаться, и вернулся в свою комнату.

После того, как Ли Тан ушел, Цзян Лу прокрутил страницу вверх, чтобы перечитать историю чата, и его палец задержался на ответе Ли Тана:

[«No sin» значит «без греха»]

Без греха, без греха.

Уголок рта Цзян Лу приподнялся в насмешливой улыбке.

Двое людей, в чьих жилах течет половина одной крови, совершают такие грязные поступки.

Как может не быть греха?

На следующий день одноклассники отправились в путь домой.

Когда они собрались у подножия горы, чтобы сесть в автобус, Су Циньхань наконец нашла возможность спросить Ли Тана:

— Твоя рана в порядке? Я уже преподала Чжао Юйтао урок; не больше не посмеет сделать это снова.

Ли Тан сказал:

— Все в порядке, вода не была обжигающей.

— А что с твоим ртом?

— Я случайно укусил его вчера во время ужина...

— Выглядит болезненно, — Су Циньхань присмотрелась еще раз. — Сяо Тан, твои губы такой красивой формы, пухлые и манящие.

— ...

— Должно быть, с тобой здорово целоваться.

— ...

— О, да это просто мысли вслух. Почему ты покраснел? — усмехнулась Су Циньхань. — Давай посидим вместе на обратном пути. Я еще не доела принесенные закуски. Поможешь мне с этим.

Ли Тан, скрывающий секрет, пробормотал:

— ...Хорошо.

С другой стороны Цзян Лу подождал, пока число людей, входящих и выходящих из туалета, не уменьшится, прежде чем войти внутрь.

Во время мытья рук звук воды заглушил все остальные звуки, поэтому он не услышал, как кто-то приближается.

К тому времени, как он понял, что там кто-то есть, этот человек уже устроился рядом с ним справа.

— Вы помирились? — спросил Чжоу Дунцзе.

Цзян Лу проигнорировал его, даже не подняв век.

— Теперь ты даже не пытаешься притворяться? — продолжил спрашивать Чжоу Дунцзе.

Цзян Лу продолжал игнорировать его, как будто ничего не слышал.

Помыв руки и выключив кран, он попытался уйти, но его остановил Чжоу Дунцзе.

— Что именно ты собираешься сделать с Ли Таном? — Чжоу Дунцзе, явно разъяренный пренебрежением Цзян Лу, настойчиво спросил: — Зачем ты сблизился с ним, а потом оттолкнул? Ты что, играешь с ним в игры?

В этот момент Цзян Лу поднял взгляд и спокойно посмотрел на Чжоу Дунцзе.

— Какое отношение это имеет к тебе?

Его голос был удивительно спокоен, словно прямой вопрос Чжоу Дунцзе совершенно его не задел.

— Это касается только нас. Имеешь ли ты право вмешиваться?

Хотя слова Цзян Лу не были агрессивными, их было достаточно, чтобы заставить Чжоу Дунцзе отступить.

Вспоминая, как Ли Тан вернулся в свою комнату прошлой ночью, его лицо сияло, его необъяснимо разбитые губы и едва заметные следы на шее... Чжоу Дунцзе не хотел, чтобы Ли Тан подходил слишком близко к Цзян Лу, не зная, была ли эта мысль вызвана беспокойством за Ли Тана или его собственным эгоизмом.

Ли Тан уже явно отверг его, и Чжоу Дунцзе знал, что его нынешние действия переходят границы.

Слова Цзян Лу укрепили эту границу, оставив Чжоу Дунцзе с чувством бессилия: да, это их дело; какое право он имел вмешиваться?

Однако, зная характер Цзян Лу, положение Ли Тана казалось опасным.

Не в силах оставаться в стороне, он вынес предупреждение.

Чжоу Дунцзе пристально посмотрел на Цзян Лу.

— Каковы бы ни были твои намерения, не трогай его, иначе я тебя так просто не отпущу.

Когда Чжоу Дунцзе ушел, Цзян Лу рассмеялся в одиночестве в пустом пространстве.

Он счел это абсурдным. Как будто Чжоу Дунцзе был рыцарем, спасающим принца, а он — злым демоном, пытающимся его схватить.

И принц влюбился в демона.

Какая это была мрачная сказка.

По возвращении в Сюйчэн до Праздника Весны оставалось всего два дня.

Ли Тан проводил канун Нового года со своей матерью в столице и не возвращался до шестого дня Нового года.

Ли Тан, не сумев отпраздновать Новый год с Цзян Лу, чувствовал сожаление, дорожа каждым мгновением, проведенным с ним.

Накануне Нового года они встретились в торговом центре в центре города. Ли Тан приехал на несколько минут раньше и заказал два горячих кофе в чайной на первом этаже. Как только он сделал глоток, через панорамное окно магазина он увидел знакомую фигуру, отчего его губы изогнулись в улыбке.

Сегодня Цзян Лу был одет в ветровку, подаренную ему Ли Таном, темно-синего цвета, которая ему очень шла, почти совпадая с цветом его радужных оболочек.

Прогуливаясь по оживленному торговому центру, Ли Тан пожаловался Цзян Лу на то, что тот надел ветровку, не сказав ему об этом. Он хотел тайно носить одинаковые наряды.

— Не боишься, что тебя поймут? — спросил Цзян Лу.

Ли Тан сказал:

— Я все обдумал. Чем больше ты скрываешь, тем больше кажется, что ты пытаешься что-то скрыть. Когда ты помогал мне с математикой, и я набрал высокие баллы, люди уже заметили, что мы близки. Теперь притворяться, что мы не знакомы, было бы неестественно.

Так он и сказал, но когда они подошли к магазину одежды и увидели внутри через стекло одноклассника, Ли Тан повернулся и побежал быстрее всех.

Позже они сели за самый уединенный столик в ресторане, и Ли Тан, прикрыв лицо меню, украдкой наблюдал за обстановкой.

Цзян Лу спросил его:

— Разве ты не говорил, что не боишься?

Ли Тан ответил:

— Я сказал, что нам не нужно притворяться, что мы не близки, но любой может догадаться, что мы на свидании, и мы носим одинаковую одежду. Это слишком показушно...

Современное общество казалось инклюзивным и открытым, казалось бы, предлагая понимание и поддержку сексуальным меньшинствам. Но все это существовало только в интернете, полном новых идеологий. Ли Тан легко мог представить себе реакцию, если бы он публично признался в своих отношениях с Цзян Лу всем вокруг. Возможно, многие бы благословили его лично, но за закрытыми дверями не было бы недостатка в тех, кто шепчется о том, как им это

отвратительно. Ли Тан, не в силах игнорировать чужое мнение, не хотел, чтобы Цзян Лу подверглась критике за отношения с ним.

Цзян Лу уже достаточно настрадался; Ли Тан надеялся, что его будущий путь будет гладким и широким.

Более того, были и старшие. Ли Тан, все еще зависевший от родителей, не был уверен в себе, чтобы бросить вызов общественным нормам. Возможно, через несколько лет, когда он начнет работать и накопит денег, он купит дом, не обязательно большой, но достаточно вместительный для двоих, а затем заведет собаку и несколько кошек...

Он думал о будущем.

Ли Тану всегда нравилось представлять себе будущее, особенно с тех пор, как общение с Цзян Лу усиливало эту радость.

Будущее с Цзян Лу; как это было бы чудесно.

Толкнув локтем Цзян Лу, Ли Тан спросил:

— У тебя есть любимый цвет?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Просто любопытно.

— Черный, наверное.

Ли Тан так и предполагал. Одежда Цзян Лу была преимущественно черной, даже луна на его фотографии профиля в WeChat была черной.

— Черный — это хорошо, он подходит к современному стилю... — Ли Тан уже планировал. — Но как он будет сочетаться с моим любимым цветом...

Он взглянул на Цзян Лу и небрежно спросил:

— Знаешь, какой мой любимый цвет?

Цзян Лу посмотрел на него и смело ответил:

— Понятия не имею.

Ли Тан лишился дара речи.

— Тогда спроси!

Как кто-то может не интересоваться тем, что нравится его возлюбленному?

Цзян Лу спросил:

— Какой твой любимый цвет?

На этот раз Ли Тан повел себя раздражительно, пробормотав:

— Я тебе не скажу.

В Сюйчэне было мало развлечений. Они мало куда могли пойти после ужина.

Конечно же, они отправились к Цзян Лу домой.

В доме Цзян Лу не было телевизора. Ли Тан принес планшет, сказав, что оставит его там, чтобы посмотреть гала-концерт Весеннего фестиваля с Цзян Лу в канун Нового года.

Гала-концерта сейчас не было; вместо этого они смотрели «Мир животных».

Показывали, как львы охотятся на стадо овец. Овцы рассеялись от страха, и лев без особых усилий перемещался среди них, легко выделяя самую медленную, которая оступилась. С внезапной силой он прыгнул, обнажив острые когти и клыки, и перекусил овце шею.

Хотя Ли Тан понимал, что это сцена, демонстрирующая пищевую цепочку в природе и выживание наиболее приспособленных, видя брызги крови, он все равно находил ее жестокой и инстинктивно закрывал глаза.

Когда звуки, издаваемые разрывом туши овцы, стихли, Ли Тан слегка приоткрыл глаза, чтобы понаблюдать за выражением лица сидящего рядом с ним человека.

К сожалению, Цзян Лу не проявил никаких эмоций. Он выглядел таким безмятежным, словно смотрел скучный политический репортаж или смотрел на спокойную морскую гладь.

В ту ночь Ли Тан снова остался у него ночевать.

Цзян Лу приснился сон, который оказался не совсем сном, поскольку в нем воспроизводились события из его прошлого.

Он увидел себя в возрасте семи лет, стоящим у дороги, где его отец попал в аварию, хватаящимся за белые халаты медиков и умоляющим их спасти его отца.

Он увидел себя десятилетним, недавно потерявшим слух на левое ухо, в окружении старших учеников на школьной площадке. Кто-то намеренно крикнул рядом с его слуховым аппаратом, вызвав пронзительный гул в голове.

Следующим был шестнадцатилетний он, впервые вышедший на боксерский ринг. Его хрупкое тело не выдерживало тяжелых ударов; его несколько раз сбивали с ног, поднимал профессиональный боксер вдвое крупнее его и швырял на пол, как мешок с песком. Кости хрустнули, словно ломались, а органы словно разлетелись и сместились от удара.

...

Тысячи дней превратились в три короткие сцены, но их было достаточно, чтобы отразить его жизнь.

Он боролся, словно блуждая в вечной ночи без единого фонаря, спотыкаясь и падая, часто попадая в тупики и возвращаясь назад, и бесчисленное количество раз едва не утонув в болотах.

Проснувшись, Цзян Лу не почувствовал облегчения от пережитого испытания, скорее, он чувствовал себя потерянным, все еще находясь в самом темном предрассветном часе.

Неужели, только превратившись из добычи в хищника, можно было избежать участи стать жертвой охоты?

Ли Тан тоже проснулся, заметив пот на ладонях Цзян Лу, и спросил, не приснился ли ему кошмар.

Цзян Лу подтвердил это, и Ли Тан успокоил его, сказав:

— В прошлый раз мне тоже приснился кошмар в твоей постели, но потом ничего не произошло... сны противоположны реальности; не бойся.

Цзян Лу не ответил, а лишь наклонил голову, пристально глядя на Ли Тана.

Тусклый свет прикроватной лампы ярко освещал глаза Цзян Лу, отражая крошечный силуэт.

Смущенный его взглядом, Ли Тан спросил:

— Ты напуган?

Через мгновение Цзян Лу кивнул.

Ли Тан наклонился, чтобы поцеловать его. Помня неписаное правило, согласно которому только Цзян Лу мог проявить инициативу, он лишь слегка коснулся губами Цзян Лу.

Отстранившись, Ли Тан спросил:

— А сейчас?

Цзян Лу покачал головой, показывая, что он больше не боится.

Ли Тан торжествующе улыбнулся, его рука под одеялом зашуршала, пока он наблюдал за реакцией Цзян Лу.

Как только он добрался до нижней части тела Цзян Лу, его запястье схватили.

— Не двигайся.

Ли Тан прикусил губу.

— ...Я кое-что принес.

Под «кое-что» подразумевались необходимые вещи. Ли Тан был готов и физически, и морально, ожидая, когда Цзян Лу протянет ему руку, чтобы заключить его в свои объятия.

Однако в этот критический момент Цзян Лу решил остановиться.

Он спросил:

— Ты уверен?

Домогательство было пределом возможностей Ли Тана, поэтому, столкнувшись с вопросом Цзян Лу, он запнулся, его ответ стал нерешительным.

— Мм... ко... конечно.

Взгляд Цзян Лу был подобен зеркалу.

— Если ты все еще не уверен, подождем еще немного.

— Но...

— Я не собираюсь торопиться с этим, я могу подождать.

Ли Тан заикаясь произнес:

— ...Это я не могу дождаться.

Цзян Лу усмехнулся:

— Я еще не видел тебя таким честным.

Ли Тан возразил:

— Нет никого столь упрямого, как ты.

В конце концов, дальше они не зашли.

Небо на востоке стало бледно-серым, а неплотно установленные окна дребезжали на ветру, как будто весь мир неуверенно сотрясался.

Ли Тан прижался к Цзян Лу и пообещал:

— Когда я буду готов, ты не сможешь убежать.

Цзян Лу держал Ли Тана, обнимая его за шею, и нежно поглаживал его мягкие волосы.

— Как я могу убежать? — сказал он, почти вздохнув. — Это тебе нужно убежать.

Цзян Лу всегда считал, что, только постоянно становясь сильнее и поднимаясь выше, можно освободиться от predetermined судьбы, даже если это означает ступить по трупам других или стать бессердечным охотником.

Но кто мог предположить, что в этом мире найдется добыча, которая пожалеет охотника и лично отдаст ему ружье?

В канун Нового года Ли Тан вылетел в столицу вместе со своей матерью.

Последующие шесть дней прошли в однообразном ритме застолий, выпивки и визитов к родственникам... Возможно, немного иным был ужин в честь воссоединения с бывшими одноклассниками из других школ на пятый день Нового года.

Ли Тан встретил Цао Яна, друга, который почти разорвал отношения из-за неспособности наладить отношения между своей девушкой и другом.

Новая встреча спустя несколько месяцев оказалась не такой неловкой, как он себе представлял. Они приветствовали друг друга с энтузиазмом, но вежливо, а когда разговор зашел о романтических отношениях, Цао Ян вздохнул и сказал, что Ли Мэйци стала его бывшей девушкой, а причина тому — несовместимость характеров.

Когда Цао Ян вышел в туалет, к нему подошел другой одноклассник, чтобы посплетничать с Ли Таном.

— Ты веришь его словам о разнице характеров? Он хотел с ней переспать, а она не согласилась.

Это имело больше смысла.

Ведь для таких дел нужны предпосылки — взаимная привязанность и страсть.

Более того, в Библии подобные действия описывались как вкушение запретного плода. Диалектически размышляя, Ли Тан пришел к выводу, что это изображение было сознательной попыткой человечества ограничить желания. С тех пор люди стали дисциплинированными, словно рожденными с чувством стыда, как будто подобные вещи всегда подразумевали грех.

Так боялся ли Цзян Лу сделать неверный шаг, который приведет к необратимым последствиям?

Накануне возвращения в Сюйчэн Ли Тан позвонил Цзян Лу и начал разговор с поздравления:

— С Новым годом!

Это было уже шестое новогоднее поздравление в этом году. Ли Тан, беспокоясь, что Цзян Лу будет одинок, звонил ему каждый день под предлогом составить компанию на праздник.

Школа открылась на восьмой день Нового года, так что они могли увидеться через два дня. Однако Ли Тану было что сказать, и он не мог ждать до этого момента: ему нужно было рассказать это Цзян Лу сегодня вечером.

— Помнишь, в прошлом году в свой день рождения я загадывал желание у тебя дома?

Цзян Лу сказал, что помнит.

Ли Тан спросил далее:

— Хочешь знать, чего я пожелал?

Цзян Лу рассмеялся:

— Если бы я сказал, что не хочу знать, ты бы мне не рассказал?

Предполагая, что он хочет знать, Ли Тан поделился:

— Я хотел бы, чтобы ты увидел последнюю часть текста песни Hearing Damage. Именно эти слова я хотел тебе сказать.

Песня Hearing Damage была в плейлисте английских песен Ли Тана, которую он включал в классе в начале семестра и которая произвела переполох.

Паника тогда была искренней, как и искренность сейчас.

Последние несколько строк песни были повторены:

И ты не можешь поступить неправильно в моих глазах, в моих глазах

Ты не можешь поступить неправильно в моих глазах, в моих глазах

А фраза «ты не можешь поступить неправильно в моих глазах» имела более прямой перевод — «Ты совершенен».

На семнадцатый день рождения Ли Тан получил от Цзян Лу обычный торт и безусловную благосклонность, достаточную, чтобы заполнить зияющие дыры в его сердце, образовавшиеся из-за неоправданных ожиданий.

Поэтому он хотел отплатить Цзян Лу полной отдачей, сделав его тем, кто пользуется слепой благосклонностью и единственным.

Такие слова можно было сказать только по телефону, поэтому Ли Тан говорил с решимостью, словно давал клятву.

— Ты неплохой.

— В моих глазах ты идеален.

<http://bllate.org/book/13923/1226788>